

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 1 (72)
2026**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И., председатель совета, академик РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лаксельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., Тюменский ун-т;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Хлахула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:

Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН; Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан);
Зими́на О.Ю., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубеси Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Пинхаси Р., PhD, Венский ун-т (Австрия); Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ун-т Гетеборга (Швеция);
Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН; Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Федоров Р.Ю., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 1 (72)
2026**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology RAS (Moscow, Russia)

Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)

Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)

Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology UB RAS (Chelyabinsk, Russia)

Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology RAS (Moscow, Russia)

Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)

Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology RAS (Moscow, Russia)

Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Omsk, Russia)

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kostomarova Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Beisenov A.Z., Candidate of History, Margulan Insntiute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan)

Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)

Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)

Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS
(Saint Petersburg, Russia)

Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)

Pinhasi R., PhD, Professor, University of Vienna (Vienna, Austria)

Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, University Gothenburg (Gothenburg, Sweden)

Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Fedorov R.Yu., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Zimina O.Yu., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru

URL: <http://www.ipdn.ru>

ХВОРОСТИНКА ПОПЕРЕК ДОРОГИ: МАГИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ПЕРЕКРЫТИЯ ПУТИ В КОНТЕКСТЕ ДОРОЖНОЙ ТРАДИЦИИ РОССИИ

Исследуются распространенные у русских и других народов Евразии ритуальные практики XIX–XX вв., связанные с магическим перекрытием пути. Автор реконструирует комплекс представлений и действий по созданию символической преграды. На материале этнографических, фольклорных и диалектологических источников изучается применение таких действий в ключевых обрядах жизненного цикла (свадьба, похороны), а также для защиты от болезней и нечистой силы, для поиска пропавших и выявления ведьм. Эти практики рассматриваются как один из элементов дорожной традиции России, т.е. устойчивых стереотипов поведения во время поездок гужевым транспортом и при пешем передвижении. Вплоть до первой половины XX в. дорожная традиция представляла собой значимую часть повседневной жизни России. Эта область научного знания имеет явные пересечения с этнографией и культурной антропологией. Выясняется, что символическое перегораживание пути бывало разнообразным («перерубание дороги», «закрытие дороги», «рубка холеры», «бросание крестов» и др.). Это обычно сопровождалось произнесением заговорных формул. Такие действия рассмотрены в статье как акциональное выражение смыслов, укорененных в глубинах народного, коллективного мировоззрения. Показано, что подобные ритуалы основывались на универсальном принципе разграничения «своего» и «чужого» пространства.

Ключевые слова: этнография русских, этнография народов России, Россия XIX в., дорожная традиция, магические практики, народная религиозность, история повседневности.

Ссылка на публикацию: Коршунков В.А. Хворостинка поперек дороги: магические способы перекрытия пути в контексте дорожной традиции России // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2026. 1. С. 162–170. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2026-72-1-17>

Введение

В повести Льва Толстого «Казачья» (1863) есть эпизод, когда юнкер Оленин отправился на охоту вместе с пожилым, бывалым казаком, с которым успел подружиться:

«Пройдя шагов сто в разговорах, старик опять остановился и указал на хворостинку, которая лежала через дорогу.

— Ты это что думаешь? — сказал он. — Ты думаешь, это так? Нет. Это палка дурно лежит.

— Чем же дурно?

Он усмехнулся.

— Ничего не знаешь. Ты слушай меня. Когда так палка лежит, ты через нее не шагай, а или обойди, или скинь так-то с дороги да молитву прочти: “Отцу и Сыну и Святому Духу”, — и иди с Богом. Ничего не сделаешь. Так-то старики еще меня учили.

— Ну, что за вздор! — сказал Оленин» [Толстой, 2001, с. 66].

Граф Толстой, офицер-артиллерист, на судьбу и творчество которого заметно повлияла его служба на Северном Кавказе, вполне точно обрисовал быт гребенских казаков. А своего молодого героя Оленина он во многом писал с самого себя.

Хворостинка поперек тропы — это вздор? Разве что с точки зрения человека образованного, аристократа-европейца, с его вторым родным языком — французским. Такой господин в кавказском приграничье сталкивается с народом русским — и не с крепостными в родном поместье, а с теми вольными людьми, которых отличало развитое чувство собственного достоинства, у кого были свои поверья, обычаи, правила поведения, своя убежденность. «Ничего не знаешь. Ты слушай меня». Наверное, надо было прислушаться к словам авторитетного человека, уважаемого в станице казака. Что же он имел в виду? Какая система взглядов и укорененных правил поведения стоит за его советом?

Литературоведы, специалисты по Толстому, иногда обращают внимание на то, как в повести «Казачья» использованы этнографические материалы и конкретно — на тему пути [Ахмадова,

2020; Плохарская, 2008]. Очевидно, нужно быть не столько литературоведом, сколько специалистом по этнографии и исторической антропологии, чтобы разглядеть отразившуюся в тексте Толстого ритуальную практику и поставить ее в контекст иных традиционных действий, связанных с передвижением. Так что следует обратиться к представлениям о пространстве, пути и магической защите, которые были присущи традиционной культуре.

Проблематика

Жители России, огромной страны, издавна стали путешествовать и перевозить грузы гужевым транспортом на дальние расстояния, создав разные виды повозок и выработав своеобразные способы запряжки (к примеру, с начала XIX в. большое распространение получила знаменитая русская тройка). Ямщики, извозчики, да и обычные путешественники приурочились к сложным, постоянно меняющимся дорожным ситуациям. Каждый, кто привык ездить или проходить пешком немалые расстояния, понимал, как нужно действовать в той или иной ситуации: при угрозе нападения волков либо разбойников, во время метели, при движении по льду замерзшей реки, на подъемах и крутых спусках, на шатких мостиках через водоемы и овраги. Применялись меры магического предохранения при отправлении в путь и во время движения. Путешественники использовали разнообразные дорожные обереги: предметы христианского культа (вроде панагий и так называемых путных икон), куски хлеба и т.д. Люди умели использовать словесные обереги — и канонические молитвы, и народно-православные заговоры.

Устойчивые стереотипы поведения во время поездок гужевым транспортом и при пешем перемещении составляют так называемую дорожную традицию. Во всяком случае, вплоть до первой половины XX в. дорожная традиция представляла собой значимую часть повседневной жизни России, а ее отголоски и поныне бывают заметны.

Дорожная традиция России в последние десятилетия исследуется российскими и зарубежными специалистами — этнографами, антропологами, историками. Действительно, эта область научного знания имеет очевидные пересечения с этнографией и культурной антропологией, а также, являясь существенной частью истории повседневности и примыкая к истории Отечества, с некоторыми иными гуманитарными дисциплинами [Щепанская, 2003; Борисов, 2010; Васильев, 2013; Коршунков, 2024а, 2024с и др.].

Здесь будет обращено внимание на один из аспектов дорожной традиции России — представления, обряды и обычаи, связанные с магическим перекрытием пути. В имеющихся этнографических материалах можно выявить обряд «перерубания дороги» и подобные же способы блокирования прохода. Речь идет о случаях, когда перекрытие дороги бывает не таким, что и в самом деле пройти либо проехать становилось невозможным: люди не городили высоких кольев, не выкапывали ров. Заграждение было магическим — условным, сопряженным с произнесением заговоров и т.д. В общем, это разновидность колдовских действий в совокупности с заговорными формулами. Так поступали, обороняясь от тех людей (например, ведьм, колдунов) и мифологических существ, которые казались опасными, особенно вне защищенного пространства — дома, селения.

Эти практики известны этнографам. Но те ученые, которые занимаются исследованием дорожной традиции России, нечасто обращают на них внимание.

Источниками по этой теме служат этнографические и фольклорные записи современных экспедиций, а также научные публикации более раннего времени. При этом требуется также привлекать данные диалектологии, этнолингвистики, фольклористики.

Символическое перегораживание пути применялось в различных обрядах и при разных ситуациях. Оно бывало весьма разнообразным по форме¹. Следовало бы рассмотреть его в контексте дорожной традиции, т.е. как акциональное отражение тех архаических смыслов, которые коренились в глубинах коллективного мировоззрения и проявлялись в ситуациях, связанных с перемещениями в пространстве. Такие действия могли иметь разную прагматику, но один общий принцип — создание, закрепление (а в некоторых случаях, напротив, уничтожение) границы между семиотически значимыми частями пространства. Именно идея границы объединяет эти, зачастую различные по форме действия: размежевание между миром живых и мертвых, определение надлежащего социального порядка в противоположность хаосу. И конкретно: нахождение безопасного пути сквозь пространство. Перекрытие пути — это активное вмешательство в структуру пространства при помощи ритуального действия, формульно организованного

¹ Упоминания об этом и отдельные примеры приведены в некоторых статьях пятитомного энциклопедического словаря «Славянские древности», см.: [Левкиевская, 1999а, с. 127; Усачева, 2009, с. 492–493; Чёха, 2012, с. 289].

слова, вещи, символа. Так проявляется универсальный антропологический мотив пространственного разграничения «своего» и «чужого».

При этом специалисты по традиционной культуре, рассуждая о символических границах, или не считают необходимым заметить, как такие границы ощущаются при реальном перемещении людей [Köhler, 1990], или вкратце упоминают, что «представления о дороге как [границе] локально ограничены и слабо выражены» [Толстой, 1995, с. 539].

Результаты

В Малмыжском уезде Вятской губернии в 1920-х гг. сотрудниками краеведческого музея отмечен и внесен в рукописный журнал «Труды Малмыжского музея местного края» такой обычай: «Когда какой-либо из молодых парней думает жениться и едет в другую деревню “искать” невесту, то родные [той] девушки, к которой едет жених, желая выдать за него свою родственницу, после въезда жениха в деревню, “перерубают” дорогу для того, чтобы парень не уехал, не засватав девушки» [Балобанова, 2002, с. 112]. Из этого лаконичного описания не слишком понятно, какие именно действия совершали родственники девушки. Однако в других подобных свидетельствах указывается, что проводилась имитация разрубления чего-то прямо на пути, т.е. при этом ударяли топором по земле.

Если в Малмыжском уезде «перерубали дорогу», чтобы захвативший к ним парень так просто оттуда не выбрался, то в соседней с Вятским краем Нижегородчине «рубали дорогу» топором для того, чтобы, напротив, «испортить» свадьбу, помешать ее проведению. Жители д. Конево Городецкого района рассказывали, что с этим обычаем связана такая частушка:

Возьму топор, пойду топну
Поперек дороженьки,
Пойдет миленький венчаться —
Конь подломит ноженьки [Корепова, 2009, с. 301].

В Павинском районе Костромской области топонимическая экспедиция Уральского государственного университета обнаружила, как крестьяне «разрубали дорогу» для сватов — совершали символические действия на Великий четверг, сопровождая это приговором:

Не снег рублю, не землю рублю,
Огороды рублю, сватам дорогу расчищаю.
Ехали бы сваты, женихи богаты и т.д. [Гареева, Феоктистова, 2010, с. 51]².

Так что в Костромской области ударяли по дороге (очевидно, топором) с важной целью: магическим образом убрать незримые препятствия для проезда столь желанных сватов.

Ритуализированные действия, аналогичные такому «перерубанию дороги», практиковались в русской свадьбе на Вятке — обряде старинном, как определил записавший его в 1926 г. в Малмыжском уезде Вятской губернии местный художник и этнограф-любитель А.В. Фищев. При отъезде жениха и невесты к венцу «идут к воротам и хлещут кнутом по дороге, чтобы не испортить оставшуюся в доме родню» [Фищев, 1997, с. 28–29]. «Испортить» — значит навести порчу. Удары кнутом по дороге (может быть, и крест-накрест) должны были загородить подход к дому для злого человека, колдуна, «еретника» — а те часто стремились навредить жениху с невестой, да и прочим участникам обрядового действия.

Перекрытие пути свадебной процессии ради получения выкупа в архангельских говорах называлось «городить дорогу», а еще для этого использовались глаголы: «загородить, закрыть, закласть, заделать, заламывать, заложить, заставляя, застенять» (дорогу). А «закрыть, отнять, перекрыть, скрасть, спрятать, украсть» (дорогу) — означало навредить кому-либо при помощи колдовства [Картышева, Нефедова, 2012, с. 73, 76]. В Сибири перекрытие пути описывалось выражением «заламывать дорогу». Говорили: «Дружка заламывает дорогу. Потешно было. Попотчевали вином и пропустят» [Волошина, Толстова, 2020, с. 18]. При этом дорогу свадьбе блокировали самым непосредственным образом, физически: объединившись, несколько человек вставали на пути и требовали выкупа. Характерно, что народные выражения о «закрытии» и «прятании» дороги означали воздействие с помощью вредоносного колдовства.

Следовательно, в предсвадебный период и во время свадьбы предпринимались специальные действия, связанные с дорогой: топором «перерубали» путь либо убирали невидимые препятствия. Для этого также могли использовать кнут. Таким образом, существовало представление, что дорога может быть перегорожена или, напротив, освобождена магическим образом.

² Здесь «огороды» — это заграждения, загородки.

Старинный обряд опахивания селения, проводившийся в случае эпидемии, в начале XX в. иногда дополнялся ритуальным изгнанием болезни, которое называлось «холеру рубить и выметать». Когда несли на кладбище покойника, умершего во время эпидемии, впереди похоронной процессии шла девушка и рубила топором дорогу, а находившаяся позади всех вдова заглаживала следы топора метлой [Корепова, 2009, с. 300–301; Богданов, 2005, с. 388].

В статье «Рубить» из словаря «Славянские древности» со ссылкой на исследование Н.Ф. Познанского указано, что обряд опахивания сопровождался заклинаниями: «Зарублю! Засеку!», чтобы болезнь не проникла в поселение. Однако эти возгласы были угрозами в адрес болезни и едва ли сопровождались ударами топором по земле [Познанский, 1995, с. 314; Усачева, 2009, с. 492].

Выходит, что русские «рубили холеру» при похоронах. Подобными действиями перегораживали путь не одни только русские и вообще не только славяне.

Венгерский этнограф Агнеш Кережи в 1992 г. стала свидетельницей удмуртского поминального обряда «йыр-пыр сетон» в д. Карамас-Пельга Удмуртии. После жертвоприношения жеребенка участники поминок направились из деревни в специальное место за кладбищем. Там развели костер. В огонь, а также рядом с ним на снег стали бросать те внутренности животного, которые не были съедены на поминальном пиру. Женщины при этом пели свадебную песню (покойный погиб молодым). О дальнейшем Кережи сообщала: «Когда все пошли обратно с поляны, руководитель обряда шел впереди, взяв в руки топор, и когда люди начали выходить на дорогу, он у каждого спрашивал имя и, повторяя имя человека, перед каждым проводил черту топором, как бы огораживая живых от мертвых. Возвращаясь домой, нельзя было поворачиваться назад, иначе, как мне сказал, сам умрешь. По возвращении домой, прежде чем войти в избу, старшие женщины, которые остались дома, под ноги каждого человека высыпали золу для очищения, чтобы мертвые не вошли в избу вместе с живыми» [Кережи, 1996, с. 182].

У закамских удмуртов было принято на похоронах при выносе покойника со двора очерчивать линию ворот железной лопатой или топором. Когда же удмурты справляли свадьбы, то, выехав за полевые ворота, стоявшие в конце деревенской улицы, они проводили металлическим предметом черту между столбами ворот, приговаривая чтобы нечисть не следовала за свадебным поездом [Миннихметова, 2011, с. 20–21]. Священник Б.Г. Гаврилов, характеризуя старинную удмуртскую свадьбу, указывал: «Отъехавши немного по выезде из двора, старший дружка проводит черту ножиком поперек дороги между свадебным поездом и провожающими» [Гаврилов, 1891, с. 135].

Заметно, что удмурты при создании магической преграды на пути мертвецов и различных inferнальных существ предпочитали использовать металлические предметы. Русские в подобных обрядах часто применяли топоры. В народной культуре железо или тот предмет, который из него изготовлен (например, топор, который к тому же острый и опасный), — это распространенные обереги [Alvey Gerald, 1981, S. 1295; Левкиевская, 1999b, с. 199–200; Чёха, 2012, с. 288–289].

Обрядовое перегораживание пути покойному с кладбища в мир живых практиковалось и у сибирских народов.

У селькупов, когда люди возвращались после похорон, близкие умершего, будучи на некотором расстоянии от могилы, рисовали головней поперечные полосы по своему следу или же загораживали след прутиками. У энцев после похорон шли к своему стойбищу другой дорогой, останавливаясь через каждые несколько шагов и проводя перед собой черту по снегу. Иногда, отойдя на значительное расстояние, клали поперек пути палку, около концов которой втыкали по несколько вешек. И, обращаясь к покойному, кричали: «Не приходи по нашей дороге, вон там твой путь!» На этом месте разводили костер, и шаман совершал обряд очищения. У кетов удалялись от захоронения, не оглядываясь. Последний должен был положить поперек тропинки палку, как бы перегораживая умершему путь к живым [Народы Западной Сибири..., 2005, с. 364, 530, 705].

Значит, на пути с кладбища надо было совершить ритуальные действия, чтобы закрыть путь в жилое пространство для загробных обитателей.

Разные виды магического преграждения пути в XIX–XX вв. применялись у славян и для распознавания ведьмы. Считалось, что она не пересечет проход, заблокированный тем или иным магическим, ритуализированным способом: «В Полесье в ночь на Ивана Купалу разбрасывали коноплю по дороге, где скот идет на пастбище, или же протягивали поперек дороги нитку, веря, что корова ведьмы, отнимающей молоко, не сможет перейти через коноплю или через нитку, она будет реветь и поворачивать назад. Болгарские женщины из Софийского округа, встретив весной на лугу у воды черепаху, снимали с себя пояса, расстилали их на траве, преграждая черепахе путь, и определяли,

кто из них ведьма, по тому, перейдет ли черепаха через пояс, веря, что чрез пояс ведьмы черепаха перейти не может» ([Голстая, 2011, с. 333]. Ср. также: [Усачева, 2009, с. 493]).

Следовательно, обрядовое перекрытие пути проделывалось у разных народов при столь значимых обрядах жизненного цикла, как свадьба и похороны. Иногда так выявляли ведьму. При этом применяли топор, а иногда кнут, которыми, как правило, ударяли по земле.

На Европейском Севере России, например в Заонежье (сейчас это Медвежьегорский район Карелии), известны магические действия, названные исследователями «бросанием крестов». Они производились людьми «знающими» (т.е. магическими специалистами — колдунами, ведунками, знахарями) и считались «тяжелой вещью». Это колдовские манипуляции с палками, прутьями, клиньями, которые описывались глаголами «забивать, кидать, бросать, рыть». Клинья могли быть березовыми, а прутья — ольховыми и рябиновыми, т.е. из тех деревьев, ветви которых применялись в том краю как обереги. Если использовались клинья, то их в самом деле вбивали в землю, прутья же бросали крест-накрест. При этом надо было произносить заговорные слова. «Знающие» обычно делали это, чтобы проведать о пропавшей скотине или заблудившемся человеке. Ответ просителям они давали на следующий день [Федорова и др., 2008, с. 52–53].

Получается, что выражение «бросание крестов» характеризует лишь один из вариантов этих действий — когда, действительно, путь как бы закрепляли прутьями. При таком варианте могла иметь значение хорошо представленная в народной обрядности магия креста, постоянно поддерживаемая церковной практикой [Белова, 1999; Левкиевская, 1999с, с. 260–262]. Например, у украинцев и белорусов начерченными по четырем сторонам крестами огораживали могилу при погребении. Это называлось «печатать покойника» (или «запечатать покойника») и делалось, чтоб он «не ходил», т.е. не вставал из гроба [Левкиевская, 2011]. Выражение «похерить» (т.е. закончить, прекратить, уничтожить), которое происходит от названия кириллической буквы «хер» (Х) и вообще-то означает «перечеркнуть крест-накрест», тоже свидетельствует о значимости представленного в православной обрядности «закрепления» как избавления и прекращения.

Другими разновидностями магических действий при «бросании крестов» были забивание и, судя по обрядовой терминологии, закапывание деревянных клиньев, что должно было перегородить путь — как бы возвести преграду. Исследователи отмечают: «Устойчиво представление о том, что, бросив кресты, знаток “закрепляет” лишние пути, и пропавший, который ступил на худой след (след лешего), выйдет на правильную, “святую” дорогу» [Федорова и др., 2008, с. 52].

Знаменательно, что даже прекращение взаимных дружеских или родственных визитов обозначалось на Вологодчине словами «закрестить дорогу» [Словарь вологодских говоров, 1985, с. 124; Кабакова, 2016, с. 140; Андреева, 2017, с. 188], т.е. символически перекрыть ее. При этом в многотомном, обобщающем «Словаре русских народных говоров», куда можно было бы вписать устойчивое выражение «закрестить дорогу», вместо того указано такое значение глагола «закрестить»: «оставить, забросить, забыть» (с записанным на Смоленщине примером употребления: «Эту дорожку я закрестил» [Словарь русских народных говоров, 1974, с. 164]).

Практика «бросания крестов», с одной стороны, служила для магического перенаправления на верный путь, а с другой стороны, по своей сути (создание преграды) была сходна с ритуальным перегораживанием или «перерубанием» дороги. Еще в этом действии заметны представления о своем и не своем пути, своем и чужом пространстве: у зверя или лешего — свои пути в их пространстве, а человеку в чужом для него, небезопасном пространстве желательно ходить путями иными, не пересекаясь, к примеру, с тропами леших [Коршунков, 2024b].

В традиционной народной культуре русских и соседних с ними народов магическое перекрытие пути имело совершенно определенные цели. Во-первых, это была защита от злых сил, мертвецов, болезней. Создавалась преграда между «своей» зоной (очищенной, безопасной) и «чужой» (опасной, нечистой). Во-вторых, это вмешательство в социальную динамику, особенно при обрядовом переходе вроде свадьбы или при отъезде и возвращении, т.е. как своего рода социальная магия, с определенным ритуальным действием. В-третьих, помощь в возвращении заблудившегося или отыскании того, что пропало. Это магическая навигация, восстановление должного порядка в пространстве. И в-четвертых, выявление ведьмы либо иного человека, опасного для окружающих. Это магическое испытание, основанное на представлениях о том, что ведьма не сможет преодолеть символическую границу.

Заключение

Итак, в составе разработанной, разносторонней, многообразной дорожной традиции заметны представления о возможности не слишком структурированными магическими действиями

(обычно в сочетании с произнесением заговорных формул) перекрыть путь движению нежеланных, опасных людей, мертвецов или мифологических существ, т.е. загородить проход, не позволяя им пробраться. Перекрытие пути связывалось с идеей границы и магической защитой. Путь в традиционной культуре — своего рода канал связи между разными сферами мифологически понимаемого пространства. Его «перерубали», «закрещивали», «запечатывали» или «очищали», и такими мерами старались обеспечить желаемый результат передвижения либо иного важного предприятия. Примечательно во всех подобных обрядовых практиках, что они довольно архаичны. Эти представления и действия были устойчивы и распространены у разных народов России (включая русских), они сохранялись до сравнительно позднего времени.

Исследование магических способов перекрытия пути открывает возможности для дальнейшей работы. Перспективным представляется сопоставление подобных ритуальных практик у русских с аналогичными традициями финно-угорских, тюркских и других народов Поволжья, Урала и Сибири, что позволит уточнить генезис и распространение таких ритуалов. Следует обратить внимание не только на закрытие пути, но и на его освобождение, разгораживание. Кроме того, заслуживает внимания изучение трансформации таких представлений в современном фольклоре и обрядовой культуре, когда реальная дорога может даже уступать место виртуальному «пути» (например, в пространстве интернета), но символика границ и защиты, по-видимому, остается.

Такие действия, запечатленные, как выясняется, у Льва Толстого и зафиксированные этнографами, показывают, насколько глубоко в традиционной культуре укоренены практики перемещения в пространстве, при которых требовались особые меры защиты. Литературный эпизод тем самым получает хорошее объяснение в этнографическом контексте: в отличие от приезжего офицера, казак истолковал найденную на пути хворостинку как магический элемент дорожной традиции, когда передвижение воспринималось как ситуация постоянного риска и где требовалось использовать разнообразные средства контроля и оберегания [Щепанская, 2003].

Бывалый казак из повести Толстого обратил внимание молодого столичного аристократа, что даже хворостинка, лежащая поперек дороги, может быть опасна. Скорее всего, она кем-то была положена нарочно. Кто-то хотел перекрыть путь, и намерения его были, очевидно, недобрыми. Такое походит на колдовскую манипуляцию. А значит, противодействием станет обращение к Богу: «...Молитву прочти: “Отцу и Сыну и Святому Духу”,— и иди с Богом. Ничего не сделает».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреева Е.П. Образ дороги в языковом сознании диалектоносителя: по страницам «Словаря вологодских говоров» // Беловский сборник: Материалы конф. / Под ред. Г.В. Судакова [и др.]. Вологда: ВолНЦ РАН, 2017. Вып. 3. С. 185–188.

Ахмадова Т.Х. Этнографический материал в повести Л.Н. Толстого «Казак» // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 6 (85). С. 532–534.

Балобанова К.А. Коллекция заговоров и средств народной медицины из рукописного архива Малмыжского краеведческого музея (тексты и комментарии) // Герценка: Вятские записки / Сост. Н.П. Гурьянова; Науч. ред. В.А. Коршунков. Киров: Киров. обл. науч. б-ка им. А.И. Герцена, 2002. Вып. 3. С. 108–115.

Белова О.В. Крест // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 651–658.

Богданов К.А. Врачи, пациенты и читатели: Патографические тексты русской культуры XVIII–XIX веков. М.: ОГИ, 2005. 437 с.

Борисов Н. Повседневная жизнь русского путешественника в эпоху бездорожья. М.: Мол. гвардия, 2010. 440 с.

Васильев М.И. Факторы формирования облика русских дорог в X — начале XX в. // ЭО. 2013. № 3. С. 125–135.

Волошина С.В., Толстова М.А. Репрезентация концепта «дорога» в устных рассказах сибиряков // Вестник Том. ун-та. 2020. № 460. С. 16–28. <https://doi.org/10.17223/15617793/460/2>

Гареева О.М., Феоктистова Л.А. Из павинской лексики семейной обрядности // Живая старина. 2010. № 3. С. 51–54.

Кабакоева Г.И. Русские традиции гостеприимства и застолья. М.: Форум: Неолит, 2016. 464 с.

Картышева М.С., Нефедова Е.А. Архангельские пути-дороги // Севернорусские говоры / Отв. ред. А.С. Герд. СПб.: Ин-т лингвистических исследований, 2012. Вып. 12. С. 64–82.

Кережи А. Об одном обряде жертвоприношения животных у южных удмуртов // Славянский и финно-угорский мир вчера, сегодня / Отв. ред. К.М. Климов. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1996. С. 172–184.

Корелова К.Е. Русские календарные обряды и праздники Нижегородского Поволжья. СПб.: Тропа Троянова, 2009. 481 с.

Коршунков В.А. Путь сквозь века и земли: Дорожная традиция России. 2-е изд. М.: Редкая птица, 2024а. 624 с.

Коршунков В.А. Свадьбы буреломные: Дорожная традиция России, мифологические представления и особенности традиционных свадебных передвижений (XIX–XX века) // Вестник гуманитарного образования. 2024b. № 1 (33). С. 17–23. <https://doi.org/10.25730/VSU.2070.24.002>

Коршунков В.А. Скатертью дорога! Русские дорожные обряды, обычаи, поверья. М.: Неолит, 2024с. 464 с.
Левкиевская Е.Е. Дорога // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999а. Т. 2. С. 124–129.

Левкиевская Е.Е. Железо // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999б. Т. 2. С. 198–201.

Левкиевская Е.Е. Закреплять // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999с. Т. 2. С. 260–262.

Левкиевская Е.Е. Обычаи «печатать покойника» и «поднимать воздух» в погребальной обрядности Полесья // Живая старина. 2011. № 4. С. 37–40.

Миннихметова Т.Г. «Пограничные» локусы в народных верованиях удмуртов // Живая старина. 2011. № 3. С. 19–21.

Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Эңцы. Нганасаны. Кеты / Отв. ред. И.Н. Гемуев, В.И. Молодин, З.П. Соколова. М.: Наука, 2005. 805 с.

Плохарская М.А. Концепт «путь» в повести Л.Н. Толстого «Казачьи» // Изв. Дагестанского пед. ун-та. Общественные и гуманитарные науки. 2008. № 4 (5). С. 105–110.

Познанский Н. Заговоры: Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. М.: Индрик, 1995. 352 с.

Толстая С.М. Семантические категории языка культуры: Очерки по славянской этнолингвистике. 2-е изд. М.: Либроком, 2011. 367 с.

Толстой Н.И. Граница // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 537–540.

Усачева В.В. Рубить // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 490–494.

Федорова С.В., Алексеевский М.Д., Кожевникова Т.М. Материалы Заонежской фольклорной экспедиции Петрозаводского государственного университета // Живая старина. 2008. № 1. С. 50–53.

Чёха О.В. Топор // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. С. 288–290.

Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М.: Индрик, 2003. 528 с.

Alvey Gerald R. Eisen, eisen // Enzyklopädie des Märchens: Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung / Hrsg. von K. Ranke. Berlin; N. Y.: Walter de Gruyter, 1981. Bd. 3. S. 1294–1300.

Köhler I. Grenze // Enzyklopädie des Märchens: Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung / Hrsg. von R.W. Brednich. Berlin; N. Y.: Walter de Gruyter, 1990. Bd. 6. S. 134–142.

ИСТОЧНИКИ

Гаверилов Б.Г. Поверья, обряды и обычаи вотяков Мамадышского уезда, Уряс-Учинского прихода // Труды четвертого археологического съезда в России, бывшего в Казани, с 31 июля по 18 августа 1877 года / Пред. ред. комитета Н. Булич. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1891. Т. 2. С. 80–156.

Словарь вологодских говоров: Учеб. пос. по рус. диалектологии / Ред. Т.Г. Паникаровская. Вологда: Вологод. гос. пед. ин-т, 1985. [Вып. 2]. 182 с.

Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин. Л.: Наука, 1974. Вып. 10. 389 с.

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 100 т. Художественные произведения: В 18 т. М.: Наука, 2001. Т. 4. 378 с.

Фищев А.В. Вятская старина. Днепропетровск: Проминформ, 1997. 102 с.

Korshunkov V.A.

Vyatka State University, Moskovskaya st., 36, Kirov, 610000, Russian Federation

E-mail: vla_kor@mail.ru

A twig across a road: magical means of blocking a path in the context of the Russian road tradition

This article examines ritual practices of magical path blocking, which were widespread among Russians and other Eurasian ethnic groups in the 19th and 20th centuries. The research reconstructs a complex of beliefs and ritual actions associated with the creation of symbolic barriers. Drawing on ethnographic, folkloric, and dialectological sources, the author examines such actions within the framework of key rites of passage (such as weddings and funerals), as well as in the context of protection against diseases and evil spirits, the search for missing persons, and the identification of individuals accused of sorcery or witchcraft. The study positions these rituals as one of the elements of the road tradition in Russia — a system of stable behavioral stereotypes associated with travel on foot or by horse-drawn transport. Until the first half of the 20th century, the road tradition constituted a significant aspect of everyday life in Russia. This area of scientific knowledge obviously intersects with ethnography,

anthropology, and cultural studies. Symbolic path obstruction had different forms. The article examines such varieties as “cutting off a road”, “closing a road”, “chopping the cholera”, “throwing the crosses”, etc. These actions were typically accompanied by the recitation of incantations. The article considers such rituals as performative expressions of cultural meanings rooted in the collective worldview. Analysis reveals that such rituals were grounded in the universal principle of demarcating “one’s own” and “other’s” space.

Keywords: ethnography of Russians, ethnography of peoples of Russia, 19th century Russia, road tradition, magical practices, folk religiosity, everyday life history.

REFERENCES

- Alvey Gerald, R. (1981). Eisen, eisern. In: Ranke K. (Hrsg.). *Enzyklopädie des Märchens: Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung*. Bd. 3. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1294–1300.
- Akhmadova, T.H. (2020). Ethnographic materials in the story of L.N. Tolstoy “The Cossacks”. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, (6), 532–534. (Rus.).
- Andreeva, E.P. (2017). The image of a road in the linguistic consciousness of a dialect speaker: from the pages of the “Dictionary of Vologda dialects”. In: Sudakova G.V. [et al.] (Eds.). *Belovskij sbornik: Materialy konf. Vyp. 3*. Vologda: VolNC RAN, 185–188. (Rus.).
- Balobanova, K.A. (2002). A collection of spells and folk remedies from the manuscript archive of the Malmyzh Museum of Local History (texts and commentary). In: Guryanova N.P., Korshunkov V.A. (Eds.). *Gercenka: Vyatskie zapiski*. Vyp. 3. Kirov: Kirov. obl. nauch. b-ka im. A.I. Gercena, 108–115. (Rus.).
- Belova, O.V. (1999). Cross. In: N.I. Tolstoy (Ed.). *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvističeskij slovar'*. T. 2. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 651–658. (Rus.).
- Bogdanov, K.A. (2005). *Doctors, patients, and readers: Pathographic texts of Russian culture of the 18th–19th centuries*. Moscow: OGI. (Rus.).
- Borisov, N. (2010). *The daily life of a Russian traveler in the off-road era*. Moscow: Molodaya gvardiya. (Rus.).
- Chyokha, O.V. (2012). Axe. In: N.I. Tolstoy (Ed.). *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvističeskij slovar'*. T. 5. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 288–290. (Rus.).
- Fedorova, S.V., Alekseevsky, M.D., Kozhevnikova, T.M. (2008). Materials of the Zaonezhye Folklore Expedition of Petrozavodsk State University. *Zhivaya starina*, (1), 50–53. (Rus.).
- Gareeva, O.M., Feoktistova, L.A. (2010). From the Pavinsky District’s vocabulary of family rituals. *Zhivaya starina*, (3), 51–54. (Rus.).
- Gemuev I.N., Molodin V.I., Sokolova Z.P. (Eds.) (2005). *Peoples of Western Siberia: Khanty. Mansi. Selkups. Nenets. Enets. Nganasans. Kets*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Kabakova, G.I. (2016). *Russian traditions of hospitality and feasting*. Moscow: Forum: Neolit. (Rus.).
- Kartysheva, M.S., Nefedova, E.A. (2012). Roads and paths of the Arkhangelsk land. In: Gerd A.S. (Ed.). *Severnorusskie govory*. Vyp. 12. St. Petersburg: In-t lingvističeskijh issledovanij, 64–82. (Rus.).
- Kerezhi, A. (1996). About one ritual of animal sacrifice among the southern Udmurts. In: Klimov K.M. (Ed.). *Slavyanskij i finno-ugorskij mir včera, segodnya*. Izhevsk: Izd-vo Udmurt. un-ta, 172–184. (Rus.).
- Köhler, I. (1990). Grenze. In: Brednich R.W. (Hrsg.). *Enzyklopädie des Märchens: Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung*. Bd. 6. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 134–142.
- Korepova, K.E. (2009). *Russian calendar rituals and holidays of the Nizhny Novgorod Volga region*. St. Petersburg: Tropa Troyanova. (Rus.).
- Korshunkov, V.A. (2024a). *Travel through time and space: the road tradition in Russia*. 2nd ed. Moscow: Redkaya ptitsa. (Rus.).
- Korshunkov, V.A. (2024b). Tree-breaking weddings: road tradition of Russia, mythological representations, and the features of the Russian traditional wedding movement in the 19th and 20th centuries. *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya*, (1), 17–23. (Rus.). <https://doi.org/10.25730/VSU.2070.24.002>
- Korshunkov, V.A. (2024c). Good riddance! Russian road rituals, customs, and beliefs. Moscow: Neolit. (Rus.).
- Levkievskaya, E.E. (1999a). Road. In: N.I. Tolstoy (Ed.). *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvističeskij slovar'*. T. 2. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 124–129. (Rus.).
- Levkievskaya, E.E. (1999b). Iron. In: N.I. Tolstoy (Ed.). *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvističeskij slovar'*. T. 2. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 198–201. (Rus.).
- Levkievskaya, E.E. (1999c). To make a cross. In: N.I. Tolstoy (Ed.). *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvističeskij slovar'*. T. 2. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 260–262. (Rus.).
- Levkievskaya, E.E. (2011). The customs of “sealing the deceased” and “raising the air” in the funeral rituals of Polessie. *Zhivaya starina*, (4), 37–40. (Rus.).
- Minniyakhmetova, T.G. (2011). “Border” loci in the folk beliefs of the Udmurts. *Zhivaya starina*, (3), 19–21. (Rus.).
- Plokharskaya, M.A. (2008). Concept of a “path” in L.N. Tolstoy’s story “Cossacks”. *Izv. Dagestanskogo gos. ped. un-ta. Obshchestvennye i gumanitarnye nauki*, (4), 105–110. (Rus.).
- Poznansky N. (1995). *Incantations: an experience in researching the origin and development of the incantation formulas*. Moscow: Indrik. (Rus.).
- Shchepanskaya, T.B. (2003). *The culture of road in the Russian mythological and ritual tradition of the 19th–20th centuries*. Moscow: Indrik. (Rus.).

Коршунков В.А.

Tolstaya, S.M. (2011). *Semantic categories of the language of culture: essays on Slavic ethnolinguistics*. 2nd ed. Moscow: Librokom. (Rus.).

Tolstoy, N.I. (1995). Boundary. In: N.I. Tolstoy (Ed.). *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheski slovar'*. T. 1. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 537–540. (Rus.).

Usacheva V.V. (2009). To chop. In: N.I. Tolstoy (Ed.). *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheski slovar'*. T. 4. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 490–494. (Rus.).

Vasilyev, M. I. (2013). The factors which were shaping the appearance of Russian roads in the 10th — early 20th century. *Etnograficheskoe obozrenie*, (3), 125–135. (Rus.).

Voloshina, S.V., Tolstova, M.A. (2020). Representation of the concept of a “road” in the oral stories of the inhabitants of Siberia. *Vestnik Tomskogo un-ta*, (460), 16–28. (Rus.). <https://doi.org/10.17223/15617793/460/2>

Коршунков В.А., <https://orcid.org/0000-0001-6150-8308>

Сведения об авторе: Коршунков Владимир Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, Вятский государственный университет, Киров.

About the author: Korshunkov, V.A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Vyatka State University, Kirov.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Received 24.03.2025

Accepted 18.12.2025

Article is published: 15.03.2026